W 302/2260

УРОКЪ БЛАГОДАТНОЙ ЖИЗНИ.

Ш302
Ш226

СТРАШНЫЙ СУДЪ.

ПО РУКОВОДСТВУ

О. ІОАННА КРОНШТАДТСКАГО.

Изданіе второе.

МОСКВА.

1897.

УРОКЪ БЛАГОДАТНОИ ЖИЗНИ.

СТРАШНЫЙ СУДЪ.

№302
№2260

ПО РУКОВОДСТВУ

О. ІОАННА КРОНШТАДСКАГО.

изданіе второе.

ЦЕРКОВНАЯ БИБЛІОТЕКА

МОСКВА.
Типо-Литографія И. Е. Ермакова. Пятницкая ул., с. №
1897.

Отъ Московскаго Духовно Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. Москва, 11 ноября 1896 года.

Цензоръ Протоіерей *Іоаннъ Петропавловскій.*

2007056321

СТРАШНЫЙ СУДЪ.

(Къ 20 февраля).

Въ ужасныхъ, потрясающихъ душу, чертахъ изображаетъ намъ слово Божіе картину всеобщаго страшнаго суда. И нашъ внутренній опытъ и наблюденія надъ судьбами жизни человѣческой неотразимо убѣждаютъ въ неизбѣжности этого послѣдняго завершительнаго конца нашей жизни и исторіи всего человѣчества.

Пусть каждый допроситъ себя самого: не исполнена ли наша жизнь внутреннихъ противорѣчій, которыя намъ не даютъ покоя? Нашъ разумъ стремится къ совершеннѣйшему познанію смысла всего существующаго—и вѣчно находится развѣ только въ преддверіи истины; знанія умножаются, но вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе и болѣе раскидывается необъятный горизонтъ неизвѣстнаго, непостижимаго. Мы стремимся къ сча-

стію и обыкновенно его не находимъ. Мы стремимся къ идеалу, къ осуществленію правды и добра, но вѣчно падаемъ, обезсиленные или собственными страстями или борьбой съ обстоятельствами. Мы сознаемъ, что созданы для блаженства, а не для мукъ, но ясно видимъ, что блаженство для насъ невозможно безъ внутренней гармоніи, безъ разрѣшенія тѣхъ горькихъ противорѣчій, которыя отравляютъ наше существованіе. Мы знаемъ, что милліоны милліоновъ людей, жившихъ до насъ, сошли въ могилу, не найдя на землѣ разрѣшенія этого внутренняго разлада...

Должны ли мы примириться съ нимъ? Но, вѣдь, тогда пришлось бы сказать, вмѣстѣ съ знаменитымъ датскимъ писателемъ, что „Богъ создалъ человѣка въ гнѣвѣ Своемъ и сдѣлалъ его жалкимъ изъ твореній, потому что хотя неразумныя животныя такъ же подвержены страданіямъ и смерти, однако, они избавлены отъ умственныхъ тревогъ, и именно величайшій даръ человѣка—разумъ придаетъ бѣдственности нашего существованія наибольшую горечь, сравнительно съ низшими насъ существами: они, вѣдь, не страдаютъ никакимъ другимъ зломъ, кромѣ настоящаго, между тѣмъ какъ господинъ ихъ имѣетъ предъ своими взорами настоящее, прошедшее и грядущее зло — всѣ вмѣстѣ“. (Гольбергъ. Нравствен. мысли. Lib. III Ed. Rode).

Въ жизни всюду борьба между добромъ и зломъ. Сильный давитъ слабаго, но низвергается еще сильнѣйшимъ; богачъ разоряетъ бѣдняка,

но самъ часто терпитъ крушеніе. Злоба и страсти ослѣпляютъ человѣка и ведутъ его къ преступленіямъ. Народы истребляютъ другъ друга опустошительными войнами, а во время мира истощаютъ себя непосильнымъ бременемъ вооруженій. А за всѣмъ этимъ стоитъ и съ каждымъ вѣкомъ, съ каждымъ, можно сказать, десятилѣтіемъ выдвигается все болѣе и болѣе послѣдняя и самая страшная вражда—вражда сыновъ свѣта и сыновъ противленія, все болѣе и болѣе раздвигается та бездна, которая окончательно раздѣлитъ все человѣчество на стоящихъ одесную и стоящихъ ошуюю. Предположимъ на минуту, что всѣ остальныя противоположности, раздѣляющія людей на враждебные лагери, будутъ уничтожены, богатство и бѣдность, неравенство положенія, самая возможность преступленій и войнъ—все это будетъ уничтожено такъ называемымъ прогрессомъ, но есть ли возможность измѣнить сердце человѣческое и искоренить въ немъ тотъ корень зла, который порождаетъ всѣ наши бѣдствія? Дѣлаются ли люди лучше съ возрастаніемъ знаній, съ накопленіемъ матеріальнаго благосостоянія, съ усовершенствованными формами жизни? Злоба и гордыня человѣческія не остаются ли вѣчно при всевозможныхъ условіяхъ быта? Не раздѣлятъ ли онѣ окончательно человѣчество на два враждебныхъ лагеря, на пшеницу и плевелы? Или мы не видимъ, что уже давно на нашихъ глазахъ дѣется тайна беззаконія, что люди сознательно отрекаются отъ Бога и Христа Его?.. Если древнее человѣчество,

поработившись страстямъ, создало себѣ боговъ по своему вкусу, то новое человѣчество, заражаясь все болѣе и болѣе духовной гордостью, не идетъ ли къ полному отрицанію Божества? Не создается ли все болѣе и болѣе та почва, на которой выростетъ, накопецъ, «человѣкъ грѣха, сынъ погибели, противящійся и превозносящійся выше всего, называемаго Богомъ или святынею?» (II Сол. 2, 3—4).

Священное писаніе говоритъ намъ, что послѣднее время будетъ временемъ ужаснаго гоненія на учениковъ І. Христа со стороны невѣрія, вооруженнаго всѣмъ могуществомъ міра сего. Но когда бѣдствія Церкви дойдутъ до крайней степени, когда ей будетъ грозить какъ бы послѣдняя гибель, когда всѣ, кто только по внѣшности принадлежали къ ней, избѣгая гоненій, отпадутъ, и пшеница отдѣлится отъ плевелъ, когда враждебныя христіанству силы приготовятся торжествовать свою побѣду--тогда-то, подобно тому какъ молнія, показываясь въ одномъ краю неба, въ одно мгновеніе пробѣгаетъ до другого и охватываетъ все небо, внезапно явится Христосъ, глава Церкви и Царь, чтобы низложить враговъ Своего имени...

Очень многіе изъ христіанъ предаются безпечности въ виду отдаленности грозныхъ событій. Всякій думаетъ: давно я знаю о судѣ — и нѣтъ доселѣ суда. Можетъ-быть, я и не доживу. Но что жъ изъ этого? Можетъ-быть, и въ самомъ дѣлѣ не скоро еще придетъ Господь судить живыхъ и мертвыхъ — все же Онъ придетъ. Хоть

теперь, хоть чрезъ тысячу лѣтъ придется же явиться намъ на судъ, и должны мы будемъ отдать отчетъ въ мысляхъ, словахъ и поступкахъ. Наконецъ — насъ ежечасно можетъ застигнуть смерть, которая покончитъ все наше и навсегда опредѣлитъ собою нашу послѣднюю участь. Въ чемъ застигнетъ насъ смерть, въ томъ и предстанемъ на судъ. Когда придетъ смерть каждаго, никто изъ насъ не знаетъ. Можетъ быть, еще минута — и всему конецъ, и мы должны будемъ предстать на судъ.

«Нѣтъ такого великаго въ мірѣ семъ бѣдствія,—говоритъ святитель Тихонъ Задонскій,—которое бы не имѣло какого утѣшенія и прохлажденія. Скучна нищета, но получаетъ утѣшеніе отъ Христова имени и милости добрыхъ людей. Мучительна жестокая болѣзнь, но прохлаждается врачествомъ или другимъ чѣмъ. За великое бѣдствіе и злополучіе поставляется не только чести, имѣнія, жены, дѣтей лишиться, но и вверженну быть въ темницу; однакожъ тако бѣдствующій не безъ утѣшенія: свѣта и воздуха всѣмъ общаго наслаждается, хотя не равно какъ свободные; и нищею и питіемъ прохлаждается; скуку сна забываетъ; посѣщеніемъ добрыхъ людей утѣшается; надеждою освобожденія питается... Когда кто неправедно страждетъ, надеждою небесныя мзды увеселяется; когда праведно смиряется передъ Богомъ, признаетъ грѣхъ, кается и тако надеждою милости Божіей прохлаждается, глаголя: благо мнѣ, яко смирилъ мя еси, яко да научуся оправданіемъ твоимъ (Пс.

рые беззаконною питались лихвою? Что тѣмъ, которые съ подчиненныхъ своихъ послѣднюю копейку сдирали и тѣмъ себѣ чести искали, или роскоши служили, или сынамъ богатое наслѣдіе заготовляли, или дочерей своихъ, яко подобіе храма, украшали и имъ знатное приданое давали?.. Самимъ имъ оставляю на размышленіе..."

„Живущи на земли, душе моя, покайся, персть во гробѣ не поетъ, прегрѣшеній не избавляетъ, возопій Христу Богу: Сердцевѣдче, согрѣшихъ, прежде даже не осудиши мя, помилуй мя" (Сѣдал. по 3 кафисм.).

„Доколѣ, душе моя, пребываеши въ прегрѣшеніяхъ? Доколѣ не пріемлеши покаянія предложеніе? Пріими во умѣ судъ грядущій и возопій Господу: Сердцевѣдче, согрѣшихъ, прежде даже не осудиши мя, помилуй мя". (Тамъ же).

„Душе, покайся прежде исхода твоего, судъ неумытенъ грѣшнымъ есть и нестерпимый, возопій Господу во умиленіи сердца: согрѣшихъ Ти въ вѣдѣніи и невѣдѣніи, щедрый, молитвами Богородицы, ущедри и спаси мя" (по 4 каѳ.)

Будемъ чаще наполнять свою душу картиною страшнаго суда! Отъ суда вѣетъ не однимъ страхомъ и ужасомъ... Онъ можетъ внушить и богатое утѣшеніе. Не одно это тамъ сказано: отыдите... проклятіи... но и другое: пріидите, благословенніи,—и послѣднее прежде перваго.

Трудно, или лучше—совсѣмъ невозможно изобразить словами блаженство святыхъ.

„И отретъ Богъ всякую слезу съ очей ихъ, и смерти не будетъ уже; ни плача, ни вопля, ни

болѣзни уже не будетъ; ибо прежнее прошло... И ничего уже не будетъ проклятаго... И узрятъ лице Его, и имя Его будетъ на челахъ ихъ... И ночи не будетъ тамъ, и не будутъ имѣть нужды ни въ свѣтильникѣ ни въ свѣтѣ солнечномъ, ибо Господь Богъ освѣщаетъ ихъ; и будутъ царствовать во вѣки вѣковъ" (Апок. 21, 4. 22, 3—5).

Что можно прибавить болѣе къ этимъ великимъ обѣтованіямъ? Безсильно слово человѣческое тамъ, гдѣ безсильно самое смѣлое воображеніе...

„Тамо царіствє безъ страха, безъ трудовъ и попеченія,—говоритъ св. Тихонъ Задонскій, тамо слава всегда сіяетъ; тамо здравіе безъ всякой болѣзни; тамо радость безъ скорби; тамо миръ и покой безъ опасности; тамо веселіе безъ печали; тамо дружество нелицемѣрное; тамо премудрость безъ буйства; тамо животъ безъ смерти; тамо всякое добро непричастно никакого зла... Оное добро, единожды полученное, никогда не попирается... Все тамо безопасно, все мирно и покойно".

„Подобно царство небесное купцу, ищущему хорошихъ жемчужинъ, который, нашедши одну драгоцѣнную жемчужину, пошелъ и продалъ все, что имѣлъ, и купилъ ее". (Мѳ. 13, 46). Если бы мы чаще размышляли объ этой жемчужинѣ, о, какъ мало бы мы цѣнили тѣ поддѣльныя и непрочныя украшенія, которыми такъ дорожимъ.

Перенесемся почти за полторы тысячи лѣтъ въ городъ Римъ, столицу тогдашняго міра, и посѣтимъ римскую гавань Остію. Тамъ мы услышимъ знаменательный разговоръ.

Весна. Южное солнце, посылая жаркіе лучи, освѣщаетъ пеструю оживленную картину кипучей торговой дѣятельности. Идетъ спѣшная разгрузка кораблей, прибывшихъ съ разными товарами изъ самыхъ отдаленныхъ провинцій. Хлѣбъ, вина, масло, соль, строевой лѣсъ, мавританская мебель, всѣхъ сортовъ мраморъ, слоновая кость... Чего только не найдемъ мы въ этой громадѣ всевозможныхъ произведеній земли и труда... Всюду, со всѣхъ сторонъ, оглушаетъ насъ многоязычная рѣчь, чаще всего, конечно —латинская и греческая; въ воздухѣ невообразимый шумъ и гамъ; вездѣ толкотня, суста, давка... Нѣтъ, поскорѣе уйдемъ подальше отъ этого шума... Вонъ вдали отъ гавани, въ открытомъ окнѣ тихаго убѣжища, куда не достигаетъ шумъ базара, мы замѣчаемъ мужчину и женщину, очевидно, уединившихся для тихой бесѣды. Черты лица далеко уже не молодой женщины, свидѣтельствуя о горькихъ пережитыхъ испытаніяхъ, сохранили, однако, выраженіе удивительнаго благородства и ясности. То – Моника, мать стоящаго близъ нея Августина.

Какимъ одушевленіемъ сіяетъ лицо Моники! Какая неземная радость отражается въ ея взорѣ! Много перестрадала она, стараясь направить своего сына на путь спасенія, много слезъ пролила въ пламенной молитвѣ за него передъ Богомъ. „Не бойся“, утѣшали часто ее. „Невозможно, чтобы погибло чадо стольких слезъ!“ Наконецъ-то исполнилось пламенное желаніе души ея. Сынъ

ея, послѣ долгихъ лѣтъ всевозможныхъ заблужденій, всѣмъ сердцемъ увѣровалъ въ истину Евангелія и крестился. Теперь мать и сынъ собрались къ отъѣзду на родину.

„Мы были одни“, разсказываетъ впослѣдствіи сынъ о знаменательномъ днѣ своей жизни, когда ему пришлось навѣки разлучиться съ своей матерью, „мы были одни и въ искреннемъ разговорѣ, вполнѣ погружаясь въ невозвратно минувшее, устремляли свой взоръ въ будущее и бесѣдовали о вѣчности, о томъ, какова будетъ жизнь святымъ, которой не видѣлъ глазъ и не слышало ухо, и которая не восходила на сердце человѣку. Мы соглашались, что съ блаженно-радостной полнотой вѣчной жизни не можетъ сравниться никакое наслажденіе чувствъ, невозможно даже представить ничего сходнаго съ нею, хотя, увлекаемые пылкимъ стремленіемъ къ ней, мы перебирали постепенно весь видимый міръ и самое небо, съ высотъ котораго солнце, луна и звѣзды проливаютъ свой свѣтъ на землю. И еще выше возносились мы въ своихъ мысляхъ до созерцанія нашихъ душъ и—еще выше ихъ—до того міра неисчерпаемыхъ благъ, гдѣ Ты, Господи, вѣчно питаешь народъ Твой истиною, и гдѣ обитаетъ премудрость, чрезъ которую все сотворено, что̀ есть, что было и что будетъ... Мы какъ бы всѣмъ сердцемъ—въ горячемъ стремленіи къ Ней—соприкасались съ Нею и, возносясь выше первенцовъ духа, снова и снова возвращались къ тому

звуку голоса, къ тому слову, которое есть альфа и омега всего... Мы говорили: „когда бы въ душѣ смолкло возстаніе плоти; когда бы смолкли круговороты неба, и умолкла бы душа сама въ себѣ; когда бы, забывъ о себѣ, возвысилась надъ самой собою; когда бы исчезли мечтанія и собственные образы нашей души; когда затихла бы всякая рѣчь; когда бы исчезло все преходящее, и когда бы среди тишины заговорилъ Тотъ, Который сотворилъ все, и Онъ говорилъ бы одинъ, не чрезъ предметы, но чрезъ Себя Самого, и мы бы воспринимали Его слово не при помощи человѣческой или ангельской рѣчи и не чрезъ голосъ грома, но слышали бы мы только Его Самого, Котораго любимъ,—и созерцающаго увлекалъ бы только Онъ одинъ, всецѣло обнималъ его неизреченною радостью: то не было ли бы Его слово призывомъ къ вѣчной радости: вниди въ радость Господа твоего!?... Но когда же все это будетъ?“

Такъ мы бесѣдовали, и ничтоженъ былъ для насъ міръ со всѣми его радостями.

— Что касается меня, сынъ мой, — сказала мать,—то эта жизнь не имѣетъ больше для меня никакой прелести. Что мнѣ еще дѣлать здѣсь? Зачѣмъ мнѣ жить, когда осуществилась надежда моей жизни? Было, вѣдь, только всего одно, ради чего я желала бы пожить еще здѣсь нѣкоторое время,—именно я желала видѣть тебя истиннымъ христіаниномъ, прежде чѣмъ умереть. Богъ по-

слалъ мнѣ еще бо̀льшую радость: я вижу, какъ ты, начавъ служить Ему, также презрѣлъ всѣ блага міра. Что жъ мнѣ еще дѣлать здѣсь?

И мы какъ только будемъ со всею серьезностію думать о цѣли нашей жизни, о житіи на небесахъ, неизреченныхъ благахъ, страшномъ судѣ,—о, какъ ничтожны покажутся намъ всѣ радости и удовольствія вѣка сего!!

НОВАЯ СЕРІЯ БРОШЮРЪ

ИЗЪ УРОКОВЪ БЛАГОДАТНОЙ ЖИЗНИ

ПО РУКОВОДСТВУ

О. ІОАННА (Сергіева) КРОНШТАДТСКАГО.

О воплощеніи Бога Слова
Святые дни.
Святая Троица.
Достойное срѣтеніе Господа.
Постъ.
Покаяніе.
О крестѣ.
Сила вѣры.
Благодать Св. Духа.
Христіанское перенесеніе скорбей.
Сила молитвы.
Молитвенное призываніе Пресвятой Богородицы.
Христіанское прощеніе обидъ.
О свѣтской жизни.
О святомъ храмѣ.
Благотвореніе.
Благовѣщеніе Пресвятыя Богородицы.
Страшная истина.
Божіе милосердіе.

ЦѢНА $1^1/_2$ КОП. ЗА ЭКЗЕМПЛЯРЪ

Изданіе Т-ва И. Д. Сытина.

2007056321